

Сергей Донатович
ДОВЛАТОВ
1941 — 1990

Сергей
ДОВЛАТОВ

Наши

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Д 58

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке Михаила Беломлинского

- © С. Д. Довлатов (наследники), 1983, 2019
- © А. Ю. Арьев, послесловие, 2001
- © М. С. Беломлинский, иллюстрация, 2019
- © Оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012

ISBN 978-5-389-05668-8 Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наш прадед Моисей был крестьянином из деревни Сухово. Еврей-крестьянин — сочетание, надо отметить, довольно редкое. На Дальнем Востоке такое случалось.

Сын его Исаак перебрался в город. То есть восстановил нормальный ход событий.

Сначала он жил в Харбине, где и родился мой отец. Затем поселился на одной из центральных улиц Владивостока.

Сначала мой дед ремонтировал часы и всякую хозяйственную утварь. Потом занимался типографским делом. Был чем-то вроде метранпажа. А через два года приобрел закусочную на Светланке.

Рядом помещалась винная лавка Замараева — «Нектар, бальзам». Дед мой частенько наведывался к Замараеву. Друзья выпивали и беседовали на философские темы. Потом шли закусывать к деду. Потом опять возвращались к Замараеву...

— Душевный ты мужик, — повторял Замараев, — хоть и еврей.

— Я только по отцу еврей, — говорил дед, — а по матери я нидерлан!

— Ишь ты! — одобрительно высказывался Замараев.

Через год они выпили лавку и съели заку- сочную.

Престарелый Замараев уехал к сыновьям в Екатериноград. А дед пошел на войну. Началась японская кампания.

На одном из армейских смотров его заметил государь. Росту дед был около семи футов. Он мог положить в рот целое яблоко. Усы его достигали погон.

Государь приблизился к деду. Затем, улыбаясь, ткнул его пальцем в грудь.

Деда сразу же перевели в гвардию. Он был там чуть ли не единственным семитом. Зачислили его в артиллерийскую батарею.

Если лошади выбивались из сил, дед тащил по болоту орудие.

Как-то раз батарея участвовала в штурме. Мой дед побежал в атаку. Орудийный расчет должен был поддержать атакующих. Но орудия молчали. Как выяснилось, спина моего деда за- слонила неприятельские укрепления.

С фронта дед привез трехлинейную винтовку и несколько медалей. Вроде бы имелся даже Георгиевский крест.

Неделю он кутил. Потом устроился метр- дотелем в заведение «Эдем». Как-то раз по- вздорил с нерасторопным официантом. Стал

орать. Трахнул кулаком по столу. Кулак очутился в ящичке письменного стола.

Беспорядков мой дед не любил. Поэтому и к революции отнесся негативно. Более того, даже несколько замедлил ее ход. Дело было так.

Народные массы с окраин устремились в центр города. Дед решил, что начинается еврейский погром. Он достал винтовку и залез на крышу. Когда массы приблизились, дед начал стрелять. Он был единственным жителем Владивостока, противостоявшим революции. Однако революция все же победила. Народные массы устремились в центр переулками.

После революции мой дед затих. Опять превратился в скромного ремесленника. Лишь иногда напоминал о себе. Так, однажды дед подорвал репутацию американской фирмы «Мерхер, Мерхер и К°».

Американская фирма через Японию завезла на Дальний Восток раскладушки. Хотя называть их так стали значительно позднее. Тогда это была сенсационная новинка. Под названием «Мэджик бэд».

Выглядели раскладушки примерно так же, как сейчас. Кусок цветастого брезента, пружины, алюминиевая рама...

Мой прогрессивный дед отправился в торговый центр. Кровать была установлена на специальном возвышении.

— Американская фирма демонстрирует новинку! — выкрикивал продавец. — Мечта холостяка! Незаменима в путешествии! Комфорт и нега! Желаете ощутить?!

— Желаю, — сказал мой дед.

Он, не расшнуровывая, стащил ботинки и улегся.

Раздался треск, запели пружины. Дед оказался на полу.

Продавец, невозмутимо улыбаясь, развернул следующий экземпляр.

Повторились те же звуки. Дед глухо выругался, потирая спину.

Продавец установил третью раскладушку.

На этот раз пружины выдержали. Зато беззвучно подогнулись алюминиевые ножки. Дед мягко приземлился. Вскоре помещение было загромождено обломками чудо-кровати. Свисали ключья пестрого брезента. Изгибалась тускло поблескивавшая арматура.

Дед, поторговавшись, купил бутерброд и удалился.

Репутация американской фирмы была подорвана. «Мерхер, Мерхер и К^о» начали торговать хрустальными люстрами...

Дед Исаак очень много ел. Батоны разрезал не поперек, а вдоль. В гостях бабка Рая постоянно за него краснела. Прежде чем идти в гости, дед обедал. Это не помогало. Куски хлеба он складывал пополам. Водку пил из бокала

для крем-сода. Во время десерта просил не убирать заливное. Вернувшись домой, с облегчением ужинал...

У деда было три сына. Младший, Леопольд, юношей уехал в Китай. Оттуда — в Бельгию. Про него будет особый рассказ.

Старшие, Михаил и Донат, тянулись к искусству. Покинули захолустный Владивосток. Обосновались в Ленинграде. Вслед за ними переехали и бабка с дедом.

Сыновья женились. На фоне деда они казались щуплыми и беспомощными. Обе снохи были к деду равнодушны.

Устроился он работать кем-то вроде заведующего жилконторой. Вечерами ремонтировал часы и электроплитки. Был по-прежнему необычайно силен.

Как-то раз в Щербаковом переулке ему нагрубил водитель грузовика. Вроде бы обозвал его жидовской мордой.

Дед ухватился за борт. Остановил полуторку. Отстранил выскочившего из кабины шофера. Поднял грузовик за бампер. Развернул его поперек дороги.

Фары грузовика упирались в здание бани. Задний борт — в ограду Щербаковского сквера.

Водитель, осознав случившееся, заплакал. Он то плакал, то угрожал.

— Домкратом перетяну! — говорил он.

— Рискни... — отвечал ему дед.

Грузовик двое суток торчал в переулке. Затем был вызван подъемный кран.

— Что же ты просто не дал ему в морду? — спросил отец.

Дед подумал и ответил:

— Боюсь увлечься...

Я уже говорил, что младший сын его, Леопольд, оказался в Бельгии. Как-то раз от него прибыл человек. Звали его Моня. Моня привез деду смокинг и огромную надувную жирафу. Как выяснилось, жирафа служила подставкой для шляп.

Моня поносил капитализм, восхищался социалистической индустрией, затем уехал. Деда вскоре арестовали как бельгийского шпиона. Он получил десять лет. Десять лет без переписки. Это означало — расстрел. Да он бы и не выжил. Здоровые мужчины тяжело переносят голод. А произвол и хамство — тем более...

Через двадцать лет отец стал хлопотать насчет реабилитации. Деда реабилитировали за отсутствием состава преступления. Спрашивается, что же тогда присутствовало? Ради чего прервали эту нелепую и забавную жизнь?..

Я часто вспоминаю деда, хотя мы и не были знакомы.

Например, кто-то из друзей удивляется:

— Как ты можешь пить ром из чашки?

Я сразу вспоминаю деда.

Или жена говорит мне:

— Сегодня мы приглашены к Домбровским.
Надо тебе заранее пообедать.

И я опять вспоминаю этого человека.

Вспоминал я его и в тюремной камере...

У меня есть несколько фотографий деда.
Мои внуки, листая альбом, будут нас путать...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дед по материнской линии отличался весьма суровым нравом. Даже на Кавказе его считали вспыльчивым человеком. Жена и дети трепетали от его взгляда.

Если что-то раздражало деда, он хмурил брови и низким голосом восклицал:

— АБАНАМАТ!

Это таинственное слово буквально парализовало окружающих. Внушало им мистический ужас.

— АБАНАМАТ! — восклицал дед.

И в доме наступала полнейшая тишина.

Значения этого слова мать так и не уяснила. Я тоже долго не понимал, что это слово означает. А когда поступил в университет, то неожиданно догадался. Матери же объяснять не стал. Зачем?..

Мне кажется, тяжелый характер деда был результатом своеобразного воспитания. Отец-крестьянин бил его в детстве поленом. Раз опустил на бадье в заброшенный колодец. Продержал его в колодце около двух часов. Затем

опустил туда же кусок сыра и полбутылки напареули. И лишь час спустя вытащил деда, мокрого и пьяного...

Может быть, поэтому дед вырос таким суровым и раздражительным.

Был он высок, элегантен и горд. Работал приказчиком в магазине готовой одежды Эпштейна. А в преклонные годы был совладельцем этого магазина.

Повторяю, он был красив. Напротив его дома жили многочисленные князья Чикваидзе. Когда дед переходил улицу, молоденькие — Этери, Нана и Галатея Чикваидзе выглядывали из окон.

Вся семья ему беспрекословно подчинялась.

Он же — никому. Включая небесные силы. Один из поединков моего деда с Богом закончился вничью.

В Тифлисе ожидали землетрясения. Уже тогда существовали метеорологические центры. Кроме того, имелись разнообразные народные приметы. Священники ходили по домам и оповещали население.

Жители Тифлиса покинули свои квартиры, захватив ценные вещи. Многие вообще ушли из города. Оставшиеся жгли костры на площадях.

В богатых кварталах спокойно орудовали грабители. Уносили мебель, посуду, дрова.

И лишь в одном из домов Тбилиси горел яркий свет. Точнее, в одной из комнат этого дома. А именно — в кабинете моего деда. Он не

захотел покидать свое жилище. Родственники пытались увещевать его, но безрезультатно.

— Ты погибнешь, Степан! — говорили они.

Дед недовольно хмурился, затем угрюмо и торжественно произносил:

— К-а-а-кэм!..

(Что переводится, уж извините, — «Какал я на вас!».)

Бабка увела детей на пустырь. Они унесли из дома все необходимое, захватили собаку и попугая.

Землетрясение началось под утро. Первый же толчок разрушил водонапорную башню. В течение десяти минут рухнули сотни зданий. Над городом стояли клубы розовой от солнца пыли. Наконец толчки прекратились. Бабка устремилась домой, на Ольгинскую.

Улица была загромождена дымящимися обломками. Кругом рыдали женщины, лаяли собаки. В бледном утреннем небе тревожно кружились галки. Нашего дома больше не существовало. Вместо него бабка увидела запорошенную пылью груды кирпичей и досок.

Посреди руин сидел в глубоком кресле мой дед. Он дремал. На коленях его лежала газета. У ног стояла бутылка вина.

— Степан, — вскричала бабка, — Господь покарал нас за грехи! Он разрушил наш дом!..

Дед открыл глаза, посмотрел на часы и, хлопнув в ладоши, скомандовал:

— Завтракать!

— Господь оставил нас без крова! — причитала бабка.

— Э-э, — сказал мой дед.

Затем пересчитал детей.

— Что мы будем делать, Степан? Кто приютит нас?!

Дед рассердился.

— Господь лишил нас крова, — сказал он, — ты лишаешь пищи... А приютит нас Беглар Фомич. Я крестил двух его сыновей. Старший из них вырос бандитом... Беглар Фомич — хороший человек. Жаль, что он разбавляет вино...

— Господь милостив, — тихо произнесла бабка.

Дед нахмурился. Сдвинул брови. Затем наставительно и раздельно выговорил:

— Это не так. Зато милостив Беглар. Жаль, что он разбавляет напареули.

— Господь вновь покарает тебя, Степан! — испугалась бабка.

— К-а-а-кэм! — ответил дед...

К старости его характер окончательно испортился. Он не расставался с увесистой палкой. Родственники перестали звать его в гости — он всех унижал. Он грубил даже тем, кто был старше его, — явление на Востоке редчайшее.

От его взгляда из рук женщин падали тарелки.

Последние годы дед уже не вставал. Сидел в глубоком кресле у окна. Если кто-то проходил мимо, дед выкрикивал:

— Прочь, ворюга!

Сжимая при этом бронзовый набалдашник трости.

Вокруг деда наметилась опасная зона радиусом полтора метра. Такова была длина его палки...

Я часто стараюсь понять, отчего мой дед был таким угрюмым? Что сделало его мизантропом?..

Человек он был зажиточный. Обладал представительной внешностью и крепким здоровьем. Имел четверых детей и любящую верную жену.

Возможно, его не устраивало мироздание как таковое? Полностью или в деталях? Например, смена времен года? Нерушимая очередность жизни и смерти? Земное притяжение? Контрадикция моря и суши? Не знаю...

Умер мой дед при страшных обстоятельствах. Второй его поединок с Богом закончился трагически.

Десять лет он просидел в глубоком кресле. В последние годы уже не хватался за трость. Только хмурился...

(О, если бы взгляд мог служить техническим орудием!..)

Дед стал особенностью пейзажа. Значительной и эффектной деталью местной архитектуры. Иногда на его плечи садились грачи...

В конце нашей улицы за рынком был глубокий овраг. На дне его пенился ручей, огибая

серые мрачные валуны. Там же белели кости загубленных лошадей. Валялись обломки телег.

Детям не разрешалось приближаться к оврагу. Жены говорили пьяным мужьям, вернувшись на заре:

— Слава богу! Я думала, ты угодил в овраг...

Однажды летним утром мой дед неожиданно встал. Встал и твердой походкой ушел из дому.

Когда дед переходил улицу, замужние толстухи Этери, Нана и Галатея Чикваидзе выглядывали из окон.

Высокий и прямой, он направился к рынку. Если с ним здоровались, не реагировал.

Дома его исчезновение заметили не сразу. Как не сразу заметили бы исчезновение тополя, камня, ручья...

Дед стал на краю обрыва. Отбросил трость. Поднял руки. Затем шагнул вперед.

Его не стало.

Через несколько минут прибежала бабка. За ней — соседи. Они громко кричали и плакали. Лишь к вечеру их рыдания стихли.

И тогда сквозь неумолкающий шум ручья, огибавшего мрачные валуны, донеслось презрительное и грозное:

— К-А-А-КЭМ! АБАНАМАТ!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Роман Степанович любил повторять:

— В здоровом теле — соответствующий дух!..

В юности он был тифлисским кинто. Перевести это слово довольно трудно. Кинто — не хулиган, не пьяница, не тунеядец. Хотя он выпивает, безобразничает и не работает... Может быть — повеса? Затрудняюсь...

У моего дяди был огромный кинжал. Он с юности любил вино напареули и полных блондинок...

Чуть ли не главное достоинство истинного кинто — остроумие. Юмор моего дяди отличался некоторым своеобразием. Так, например, мой четырнадцатилетний дядя омрачил юбилей Грузинской советской республики.

Дело происходило следующим образом. В Тбилиси широко отмечалась знаменательная годовщина — семилетие республики. Огромный зал Дворца культуры имени Либкнехта был переполнен. Высокое начальство произносило

речи. Вслед за ним шли на сцену представители этнических меньшинств. От армян выступала тетка, дядина сестра. Звали ее Анеля. К выступлению тетка Анеля готовилась недели две.

— Вот уже семь лет... — начала она.

Зал притих.

— Вот уже семь лет... — повторила тетка.

Где-то звякнул номерок. Кто-то на цыпочках пробирался между рядами.

— Вот уже семь лет... — окрепшим голосом произнесла тетка Анеля.

За ее спиною лукаво щурился на портрете генералиссимус. Наступила полная тишина.

И тогда в зале раздался оживленный голос моего дяди:

— Вот уже семь лет, как Анелю замуж не берут...

Тетка Анеля, рыдая, покинула сцену. Дядю Романа сутки продержали в милиции...

Еще до войны мой дядя решил поступить в университет и стать философом. Решение вполне естественное для человека, не имеющего конкретной цели. Все люди с неясным и туманным ощущением жизни мечтают заниматься философией.

Дядя Роман подал свои бумаги в университет. Шел экзамен по русской литературе. Дядя останавливал выходящих абитуриентов, спрашивая:

— Прости, дорогой! Что за вопрос тебе достался?

— Пушкин, — сказал один.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не учил.

— Лермонтов, — сказал второй.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не учил.

— Гоголь, — сказал третий.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не учил.

Наконец вызвали дядю Романа. Он шагнул к столу, вытащил билет и прочел:

«Творческий путь Грибоедова».

— Вай! Горе мне! — крикнул дядя. — Именно этого я не учил...

Когда началась война, дядя обрадовался. На войне ценились такие люди, как он. Дядя и в мирное-то время любил поскандалить.

Вернулся он подполковником. Война сделала его человеком.

Как все отставные подполковники, мой дядя заведовал техникой безопасности на фабрике «Луч». (Полковники возглавляют отделы кадров.)

Возможно, он разбирался в технике безопасности, это не исключено. Однако все его силы уходили на физкультурно-массовую работу. Дядя организовывал коллективные заплывы. Учреждал традиционные лыжные кроссы. Проводил волейбольные матчи. О нем писали в газетах.

В свои шестьдесят три года дядя отлично бегал на лыжах и мог успешно подраться.

— В здоровом теле — соответствующий дух! — часто повторял он.

Меня дядя Роман искренне презирал. Я не делал утренней гимнастики. Не обливался ледяной водой. И вообще ненавидел резкие движения. А если мне хамили, шел на компромисс.

Впрочем, меня оскорбляли довольно редко. За всю жизнь раза три. И все три раза — мой дядя.

— Интеллигент! — кричал он. — Баба! Духлый шпак!..

На вопрос, кто его любимый писатель, дядя быстро отвечал:

— Мартин Иден.

О своих кулачных подвигах рассказывал часами. Причем довольно много фантазировал. Когда же я расспрашивал его о войне, дядя упорно молчал. Не любил говорить об этом. Не знаю, почему...

У него были дети от Сухаревой Анны Григорьевны. Мальчик и девочка. Дядя регулярно навещал их. Просматривал школьные тетради, расписывался в дневнике. И неизменно повторял:

— В здоровом теле — соответствующий дух!

Как-то раз Анна Григорьевна возилась на кухне. Дети играли с отцом. Неожиданно мой дядя пукнул. Дети стали хохотать.

На шум пришла Анна Григорьевна. Остановилась в дверях, сложила руки на груди и значительно произнесла:

— Все-таки детям нужен отец! Как они весело играют, шутят, смеются...

У дяди Романа была жена — Галина Павловна. Как она себя называла — медработник. Дядя ее любил и уважал. Поскольку она разделяла его философское кредо: «В здоровом теле — соответствующий дух».

Однажды в их квартиру позвонили. Дядя был на работе. А Галина как раз зашла домой пообедать. И вот раздался звонок.

— Кто? — спросила Галина.

Мужской голос ответил:

— Дайте попить беременной жене.

Отворилась дверь, и в прихожую шагнул рослый человек. Он достал заточенный рашпиль и без единого слова ударил хозяйку в живот. Она рванулась к телефону. Теряя сознание, крикнула:

— Рома! Спаси! Убивают...

Дядя приехал тридцать минут спустя на грузовой автомашине. К этому времени Галину увезла «скорая помощь». Бандита задержали соседи. Когда ему заламывали руки, он смеялся. Выяснить мотивы его действий так и не удалось. Возможно, это был маньяк...

Мой дядя тогда целый вечер плакал. А когда Галина вышла из больницы, приобрел овчарку.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	27
Глава пятая	44
Глава шестая	52
Глава седьмая	61
Глава восьмая	74
Глава девятая	86
Глава десятая	115
Глава одиннадцатая	127
Глава двенадцатая	146
Глава тринадцатая. Заключение	153
Послесловие. <i>Андрей Аръев</i>	154

Довлатов С.

Д 58 Наши / Сергей Довлатов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 160 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-05668-8

Двенадцать глав «Наших» создавались Довлатовым в начале 1980-х годов как самостоятельные рассказы. Герои — реальные люди, отсюда и один из вариантов названия будущей книги — «Семейный альбом», в которой звучит «негромкая музыка здравого смысла» (И. Бродский), помогающая нам сохранять достоинство в самых невероятных жизненных ситуациях.

Тексты печатаются с учетом последней авторской правки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
НАШИ

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректор Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.12.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 7,05.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-BAK-12759-10-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/